

Мистерия неподсудимости.

В Англии экзотическим способом, посредством отравления полонием, убит бывший полковник ФСБ Литвиненко, помощник Березовского и страстный противник Путина, расследовавший недавнее тоже таинственное убийство тоже противника Путина журналистки Анны Политковской. Отравился он после встречи с людьми, приехавшими из России. Скотланд Ярл ищет преступников в России и разрабатывает версию, что убийство совершено или прямо ФСБ, или тайной организацией бывших сотрудников ФСБ, расправляющихся с врагами Кремля на свой страх и риск. Разумеется, прямых доказательств нет, а реальность часто оказывается более нелепой, чем самые правдоподобные версии. Может быть, убийства Политковской и Литвиненко вообще не связаны друг с другом (как и с отравлением Гайдара) и даже не имеют отношения к политике. Может быть все. Но выдвижение «фээсбэшной» гипотезы - естественно. Тем более что роль спецслужб у нас - громадна, президенту принадлежит историческая фраза - «мочить в сортире», и рядом убийств (Яндарбиева, Дудаева, Хаттаба) наши спецслужбы гордились. Это - первое, что должно было прийти в голову.

Как же реагирует на это Россия? У нас начинается компания опровержений не обвинения (обвинения нет), но гипотезы. При этом выдвигаются все мыслимые версии убийства Литвиненко и в их пользу приводятся все мыслимые доказательства, включая самые нелепые. Говорится, что ФСБ не может быть такой непрофессиональной и, если бы хотела убить, сделала бы так, чтобы и следов не было. Что убивать Литвиненко было не нужно, ибо и вреда от такого пустякового человека быть не могло. Что его убил Березовский (как и Политковскую?), чтобы бросить тень на ненавистного Путина. Что он мог убить себя сам, опять-таки, чтобы обвинить Путина. Что его могли убить спецслужбы, но не наши, а западные, чтобы помешать России «подняться с колен». Что его могли убить мусульманские террористы. Что следы ведут к Невзлину в Израиль. Что Литвиненко мог заниматься торговлей полонием, носить его в кармане, чтобы показывать потенциальным покупателям, и «где-то его лизнуть». Что полоний можно заказать по Интернету и чуть ли не приготовить в домашних условиях, поэтому и убить Литвиненко мог кто угодно. И т.д., и т.п.

Сыщикам Скотланд Ярда обещают помощь, но при этом генпрокурор подчеркивает, что наших граждан мы ни в коем случае не выдадим и что допрашивать будут наши следователи, а англичане будут только присутствовать. А уж о допросе руководства ФСБ и речи быть не может.

Откуда происходит такая реакция? Она проистекает из самой сути нашей политической системы безальтернативной президентской власти, в которой, как только возникает угроза для власти, раздается сигнал тревоги и действие права автоматически «вырубается». И заодно «вырубается» и здравый смысл.

В этой системе реальное расследование убийств противников власти или неудобных ей людей принципиально невозможно, совершенно независимо от того, замешана в них власть или нет. Как только следствие сталкивается с убийством таких людей, у него естественно возникает мысль - не ведут ли нити «наверх». Но как только возникает такая мысль, тут же не может не появиться вторая - «эту версию не только нельзя разрабатывать, но даже думать о ней нельзя». Но если одна версия исключается с порога, расследование перестает быть расследованием. Именно поэтому ни одно из уже многочисленных дел об убийствах противников власти у нас так и не было доведено до убедительного конца.

Этот механизм действует во всех странах с однотипной политической системой. Вот один яркий пример. Относительно недавно были убиты два серьезных противника Назарбаева - бывший мэр Алма-Аты З. Нуркадилов и бывший посол в России А. Сарсенбаев. Нуркадилов был найден у себя дома с двумя пулями в сердце и одной в голове. Заключение следствия - «самоубийство». Сарсенбаев найден застреленным в урочище под Алма-Атой вместе с двумя тоже застреленными охранниками. Первая версия следствия - «несчастный случай на охоте». Потом, после грандиозного шума, был найден человек, который якобы питал личную ненависть к Сарсенбаеву и нанял для убийства бойцов отряда «Арыстан» (казахстанская «Альфа»). Совершенно очевидно, что следователи тут же подумали на Назарбаева или кого-то из «семьи», тут же пришли в ужас и стали думать только о том, как бы поскорее закрыть дело. При этом вполне может быть, что Назарбаев и его «семья» тут действительно ни при чем. Но сама мысль, что она может быть «при чем», парализует следствие.

Таким же образом ведут себя и подконтрольные власти СМИ. Первая и естественная мысль у журналистов, аналитиков, экспертов - мысль о причастности власти. И тут же они начинают соревноваться друг с другом в выдвижении версий того, кто бы мог это сделать, кроме власти. Если версии - дурацкие, ничего страшного. Главное, что ты показываешь свою преданность.

Но к чему неизбежно ведет такая реакция?

Если тебя никто еще не обвиняет, а ты уже истерически кричишь, что против тебя устроен заговор, что допрашивать себя ты не позволишь и оговариваешь всех, кого можно, ты сам переводишь себя в разряд главных подозреваемых. Никто не знает, смогут ли английские сыщики раскрыть дело об убийстве Литвиненко. Но характер нашей реакции неизбежно ведет к тому, что в западном общественном мнении «фээсбешная» гипотеза становится как бы доказанной.

И подобный процесс происходит не только во мнении Запада. Невозможность раскрытия «резонансных» преступлений, инстинктивно-истерическая реакция на саму идею, что в них может быть замешана власть, приводит к тому, что в сознании многих россиян возникает своего рода «презумпция виновности власти». Как в нашей политической системе все отчетливее проступают советские черты, так и неконформистское сознание у нас все больше приобретает болезненные черты, характерные для сознания советского диссидентства. В Рунете уже возмущаются «трусостью и приспособленчеством» Гайдара, заявившего, что он не верит, что отравить его пытались по приказу Кремля. А у тех, кто гонит от себя мысль о виновности власти, эта мысль все равно присутствует где-то на заднем плане, в «подсознании».

Но такие подавленные мысли рано или поздно выходят наружу и превращаются в непререкаемые истины. Неизбежно наступление времени, когда виновность нынешней власти во всех многочисленных нераскрытых убийствах (которые вряд ли будут раскрыты, и во многих из которых она не повинна) станет чуть ли не всеобщим убеждением. А человек, который будет выражать сомнения в том, что, например, Литвиненко был убит по приказу Кремля, будет вызывать к себе такое же отношение, какое сейчас вызывает человек, который сомневается, что Сталин убил Кирова, или говорит, что некоторые из принудительно лечившихся диссидентов могли быть действительно шизофрениками - то ли он хочет показаться оригинальным, то ли хочет обелить злодеев.

Сейчас усилиями самого Кремля и послушных ему политиков, прокуроров и журналистов, создается гротескная картина путинской власти, которой раньше или позже суждено стать общепринятой и лечь в основу кинофильмов и телесериалов - и голливудских, и мосфильмовских. В этой картине будет много преувеличений и масса того, что не доказано, но приобрело статус самоочевидного. Но это - расплата власти за ее безальтернативность, неподсудность и «презумпцию невиновности». Такая «презумпция невиновности» обязательно превращается в «презумпцию виновности», а «неподсудная» власть раньше или позже осуждается без суда и следствия.